

сячь толстовскихъ силъ. Какъ Толстой обжился со своей вѣрой, не царапаясь объ нее психологически, и не отвергъ ее наконецъ такъ же, какъ „ученіе прогресса“, позитивизмъ Шопенгауера, Соломона, и, наконецъ, Церковь — это остается неразгаданной тайной его души... И онъ такой благостный, когда изливаль въ творческомъ жизнечувствованіи своемъ свѣтъ и тепло, любовь и прощеніе, такой пророчески вдохновенный, огнемъ попадающій, въ сомнѣніяхъ, томленіяхъ и испытаніяхъ своихъ, дѣлался мертвенно-блѣднымъ, безблагодатнымъ и творчески-худосочнымъ въ своемъ исповѣдываніи, въ проповѣди. По вольной волѣ могучихъ водъ съ ласкающей зеленью береговъ, черезъ страшные пороги, омуты и водопады, гдѣ духъ захватываетъ отъ мятущейся тревоги стихій, вы попадаете въ мертвую заводъ съ зацвѣтающей водой, гдѣ страшно, гдѣ скучно до испуга отъ затягивающей глади и тишины... И какъ безцвѣтна, пуста и холодна религиозная догматика Толстого, если ее отдѣлить отъ тернистаго пути, приведшаго къ ней Л. Н. Онъ роетъ землю чуть не до подпочвенныхъ водъ, чтобы посѣять... рожь,—раціоналистически-евангельскій деизмъ, по которому волею Божіей создана жизнь для человѣческаго земного счастья. Человѣкъ не повиновался ей разумно, какъ то слѣдовало, и заблудился въ исторіи, загромоздивъ ее одними ненужностями и прямо гадостями. Если онъ одумается и будетъ стараться волею своею жить по этой раціональной христіанской морали, то тогда наступитъ „вѣчная жизнь въ человѣчествѣ“, правда всеобщаго счастья на землѣ...

До религиознаго перелома Толстой въ проникновенной мудрости своего органическаго, почвенно-корневого, русскаго генія—глубоко религиозенъ, искусство его христіанское, православное, несмотря на противорѣчія, такія яркія, такія сочныя. Вѣдь жизнь жива этими сочными, живыми противорѣчіями, ими питается и движется. Послѣ перелома Толстовское христіанство чуждо не только догматики и метафизики христіанской церкви, но и психологіи ея, чуждо подлиннаго смиренія. И смиреніе, и даже аскетизмъ, казалось бы, принять Толстымъ и претворенъ въ его душу, однако, смиреніе это особенное, *свое*, непослушное своевольное смиреніе, и аскетизмъ свой—самочинный, своеумный. Крестъ тоже принимается имъ, но только *свой* крестъ, а не Христовъ. Вѣдь христіанское православіе, обращенное къ міру, принимаетъ этотъ міръ аскетически,